

страницах этого труда развиваются и обогащаются новейшими данными современной науки основные положения марксистского понимания первого этапа в истории человеческого общества. Он заинтересует несомненно широкие круги советских обществоведов как пособие по важнейшим проблемам истории первобытного общества.

Нельзя не сказать также о хорошем языке, которым написана книга, и об изящном оформлении ее иллюстрациями.

Ю. П. Аверкиева

НАРОДЫ СССР

Л. М. Сабурова. *Культура и быт русского населения Приангарья*. Конец XIX—XX в. 1967, 280 стр.

Русское население Приангарья в недалеком прошлом представляло собой своеобразную этнографическую группу; это старожильцкое население — потомки русских переселенцев, пришедших в Сибирь еще в XVII в. и сохранивших много своеобразных черт в хозяйстве, культуре, бытовом укладе. Историческая судьба русских Приангарья сложилась так, что, вскоре после освоения ими края, пути дальнейшего продвижения русских в глубь Сибири и торгово-экономические связи были перенесены южнее; рассматриваемое население оказалось в известной степени изолированным: приток новых русских поселенцев на Ангару прекратился и старожильцкое население как бы законсервировалось, сложилось в компактную и однородную группу. Лишь после Великой Октябрьской социалистической революции, за годы социалистического строительства, а главным образом в связи с сооружением Братской ГЭС эта изолированность оказалась нарушенной: на Ангару приехало много новых поселенцев, в то время как значительное число местных жителей, особенно молодежи, покинуло родные места.

Рецензируемая книга (ответственный редактор В. А. Александров) явилась результатом длительного полевого изучения крестьянства Приангарья, проводившегося в течение шести лет — с 1957 по 1962 г. (состоялось пять экспедиций и одна поездка в осенне-зимнее время 1961 г.); кроме того, привлечены литературные материалы, относящиеся к этой территории, а также данные местных архивов.

Работа подразделяется на введение, заключение и четыре большие главы: «Занятия населения», «Изменения материальной культуры ангарских крестьян в годы Советской власти», «Семья и семейный быт», «Общественный быт». В каждой главе автором выделены дореволюционный (конец XIX — начало XX в.) и советский периоды, в некоторых главах выделены еще и третий, переходный период — 1920-е годы (до начала массовой коллективизации). Исключение представляет глава «Семья и семейный быт», где дореволюционная семья рассматривается в одном подразделе с преобразованием семьи в 1920-х годах, что автор объясняет отсутствием сравнительных статистических данных по дореволюционной семье. Нам представляется такая разбивка материала по всей книге в целом вполне обоснованной и целесообразной; считаем нужным лишь отметить, что вряд ли оправдано столь длинное название второй главы, ведь во существо и во всех других главах также рассматриваются изменения, происшедшие за годы Советской власти; поэтому глава могла бы быть названа просто «Материальная культура», такое название не выделяло бы ее из формулировок названий всех остальных глав.

Объем всех четырех глав неодинаков, больше всего места отведено главе о хозяйстве (90 стр.), почти одинаковы по объему главы по материальной культуре (62 стр.) и семье (60 стр.), несколько меньше глава, посвященная общественному быту (46 стр.). Такое распределение материала нам представляется правильным с точки зрения охвата всех сторон культуры и быта и не вызывает возражений.

С точки зрения подачи современности опубликованные за последние полтора-два десятка лет этнографические монографии по отдельным народам или группам населения показывают, что их построение в основном сводится к двум методам: а) дается новое, а в нем попутно делаются экскурсы в старое, отмечаются различные пережитки и б) сначала дается старое, а потом новое, при этом проследивается и ход совершавшихся изменений, сдвигов и т. п. Как нам представляется, второй метод является наиболее правильным, он историчен. Именно по этому пути и пошла Л. М. Сабурова в построении своей книги. При этом значительную часть ее содержания она отвела новому: даже простой подсчет страниц показывает, что современности в книге уделяется несколько больше места, чем прошлому (134 страницы из 260), что, однако, не привело к обеднению материала по прошлому, которое представлено достаточно полно и в целом дает яркую и колоритную картину жизни приангарского крестьянства до революции. Здесь много интересных бытовых подробностей; хорошо сделал автор, что в книге, помимо терминологии, приводит множество местных словесных оборотов и выражений, что оттеняет описание.

Первая глава — Занятия населения — начинается с краткой характеристики природных условий края и истории освоения Приангарья в XVII в., описания взаимоотношений русских пришельцев с аборигенами края.

Далее приводится подробное описание земледелия — основного занятия русских переселенцев, дается анализ землепользования, описание сельскохозяйственных орудий и организации земледельческого труда. Любопытны некоторые земледельческие обряды, связанные с посевом, жатвой и молотью; среди них встречается и обычай дожинания последних снопов, как известно, распространенный во многих странах и у многих народов и связанный с представлением о «душе» поля.

Скотоводство у приангарских крестьян сопутствовало земледелию. Автор приводит материалы о примерном количестве скота, его содержании, выпасе, связанных со скотоводством поверьях. Видное место среди занятий населения занимал промысел пушного зверя; в книге подробно описана своеобразная организация этого промысла. Важное значение имеют данные о распределении охотничьих угодий и становлении частной собственности на них. Рыболовство, также занимавшее значительное место в хозяйстве, в отличие от охоты, носило коллективный характер, в нем преобладал главным образом женский труд; в книге дается описание приемов лова рыбы в различные сезоны. Некоторый доход приносили и подсобные промыслы, среди них существенное место занимала перевозка грузов водным и гужевым путем, а также лодманство, работа на чугуноделательном заводе и золотых приисках, что связано было с отходничеством. Естественность хозяйства проявлялась и в развитии домашнего производства, среди которого отмечается обработка кож, ткачество, валяние суконов и др.

Автор подчеркивает, что хозяйственный быт до известной степени отражал генетические связи приангарского населения с северовеликорусами; некоторое влияние на хозяйство оказали также эвенки и буряты. Однако, как прибавляет автор, речь должна идти не о механическом соединении отдельных разнородных черт, а об их стойком переплаве, приведшем к созданию особого, своеобразного типа хозяйственной культуры.

В конце XIX в. в сельском хозяйстве Приангарья стали развиваться капиталистические отношения и классовое расслоение в деревне. Крестьяне попадают в зависимость от кулаков и купцов, происходит специализация отдельных районов, возникает обменная торговля, появляются ярмарки.

Во второй части первой главы автор ярко и образно рассказывает о переменах в деревне после революции. В первые годы в хозяйстве еще во многом сохранялось старое, однако уже заметны и перемены. Была отменена фактически уже установившаяся частная собственность на охотничьи угодья. Были созданы государственные прокатные пункты, отпускавшие сельскохозяйственные машины населению, было налажено снабжение семенным зерном, организованы кооперативные общества потребителей, кредитные общества взаимопомощи, машинно-конные станции, контрактиция и т. д.; все эти мероприятия в значительной мере высвободили бедноту из-под влияния кулачества.

Далее рассказывается о постепенном росте колхозов, об успехах и трудностях колхозного строительства, о военных годах, в которые колхозники, в основном женщины, обеспечивали своим трудом выполнение всех сельскохозяйственных работ и поставок государству на нужды фронта. В 1950-х годах большое оживление в жизнь колхозников внесло начало строительства Братской ГЭС: появились новая техника и механизированные средства сообщения, колхозы стали ориентироваться на рынок. В работе подробно рассказывается о современных достижениях колхозного хозяйства. С большим интересом читаются страницы, на которых говорится о распределении работ в колхозах по сезонам и месяцам и приводится сравнение этого сельскохозяйственного «календаря» со старым; это сравнение наглядно показывает разницу в характере трудовой нагрузки крестьян прежде и теперь; в частности, исчез ряд работ, особенно женских, отличавшихся чрезвычайной трудоемкостью.

Во второй главе мы находим описание жилища, одежды, пищи и утвари, а также тех изменений, которые произошли в этой области за годы Советской власти. Этот раздел снабжен большим числом хорошо выполненных рисунков и чертежей (художники Т. Л. Юзепчук и В. Г. Демьянов), являющихся наглядным дополнением к описанию. К сожалению, автор не отметил в работе, к какому типу восточнославянского жилища тяготеют дома Приангарья (об этом бегло лишь сказано в заключении к книге на стр. 274), в то время как такие параллели намечены для других аспектов материальной культуры (одежды, пищи).

Обстоятельно и подробно рассказывается об изменениях в материальной культуре за годы Советской власти. Показаны рост поселений, новая планировка деревень, изменения в устройстве и убранстве жилища.

Нужно отметить, что в разделе об одежде, по-видимому, по недосмотру издательства почему-то на одной из страниц (143) часть терминов набрана курсивом, хотя нигде в других местах на протяжении всего текста курсив не встречается и поэтому на одной лишь странице он выглядит несколько странно.

Очень обстоятельно разработана третья глава, посвященная семье и семейному быту. Первый ее раздел называется «Черты старого семейного строя и начало его пре-

образования в 1920-е годы». Автор отмечает в Приангарье стабильный, хотя и достаточно ограниченный состав фамилий: одни и те же фамилии встречаются в различных деревнях, в одной деревне обычно бывало 2—3 фамилии; часто однофамильцы считали себя родственниками, вероятно, когда-то так и было и такие фамилии можно рассматривать как патронимические.

В 1920-х годах преобладали семьи в 2—3, реже в 4 поколения, но были и семьи со сложным структурным составом, особенно среди зажиточных, с наличием боковых родственников. Хотя автор и не дает таблицы по численности семей (такие суммарные данные отсутствовали), а лишь по числу поколений, однако приведенные отдельные примеры показывают, что наиболее крупные семьи состояли из 14—16 человек.

Для семей с большим численным составом Л. М. Сабурова употребляет термины «большая семья» и «неразделенная семья», что, конечно, правильно по существу. Однако в последнее время у нас вошло в научный оборот разграничение этих понятий, причем под большой семьей понимается архаичная патриархальная семейная община со значительно большим числом женатых поколений, а под неразделенной семьей — семья стадии разложения патриархальной семейной общины, в которую входит лишь два женатых поколения; при женитьбе кого-либо из третьего поколения такая семья распадается (см. работы О. А. Сухаревой, М. А. Бикжановой, С. М. Абрамзона). Судя по приведенным Л. М. Сабуровой примерам, здесь мы имеем дело в основном с неразделенными семьями, но отдельные случаи (например, семья С. Я. Деревянных, стр. 168) говорят о том, что пережиточно существовали еще большие семьи. Автор приводит примеры, когда во главе семьи стоял не отец, а один из женатых братьев; при этом автор высказывает очень интересную мысль, что в таком случае структура семьи очень существенно менялась — здесь уже в основном дело не в прямом родстве, а в боковом. Часто это случалось уже после смерти отца, но семья не распадалась обычно и после смерти своих родителей, что свидетельствует об устойчивости семейного строя. Однако в первые годы Советской власти продолжался процесс распада неразделенных семей, начавшийся еще до революции под влиянием возникновения капиталистических отношений.

Переходя к внутреннему укладу семьи, автор отмечает, что обычно во главе ее стоял мужчина, редко — женщина-вдова; подавляющее большинство семей возглавлялось мужчинами сравнительно молодого возраста, часто не старшими, а наиболее работоспособными. Как нам представляется, это свидетельствует до известной степени об изживании патриархального уклада, в то время как самый факт сохранения неразделенных семей, как правильно замечает автор, объясняется сложностью многоотраслевого хозяйства. Л. М. Сабурова подробно останавливается на роли старшего в семье, распорядившегося имуществом и семейным бюджетом, распределявшим работу между другими членами семьи и т. п., в то время как распорядком работы между женщинами ведала жена главы семьи. Приводится много интересных подробностей, касающихся взаимоотношений и субординации между членами семьи (в частности такой любопытный факт, что младшие братья не могли называть по имени старшего брата, будущего преемника главы семьи — отца, а называли его «братка»). Тут автор указывает, что за внешней благопристойностью часто скрывались не совсем дружелюбные чувства, слишком большая деспотия старших наталкивалась на скрытый протест младших членов, особенно невесток, которые всегда стояли за выдел из семьи.

Л. М. Сабурова подробно останавливается на распределении обязанностей среди членов семьи и приводит много ценных подробностей половозрастного разделения труда. В частности, она справедливо придает большое значение факту ухода мужчин на отхожие промыслы, особенно в маломощных семьях, где почти всегда имелись избыточные работники, в то время как зажиточные семьи, напротив, часто привлекали дополнительную рабочую силу со стороны. Добавим, что везде и всюду в больших и неразделенных семьях уход на отхожие промыслы был одной из причин дробления семей и, возможно, в какой-то степени это влияло и на то, что несостоятельные семьи скорее разделялись, чем зажиточные. Приводится и другой любопытный факт: если девушка или женщина прирабатывала где-либо на стороне, в зажиточной семье или на подешине, то такой заработок, как правило, был ее достоянием (для приданого, на нужды своей семьи). По-видимому, это явление, отмеченное на Ангаре, имело очень широкое распространение, в частности точно так же обстояло дело у многих народов Средней Азии.

Большой материал приводит Л. М. Сабурова по вопросу о разделах семей, которые, как уже говорилось, все чаще и чаще стали происходить в послереволюционные годы.

Много места отведено вопросу о браке, свадебной обрядности, воспитанию детей. Выбор жениха или невесты производили родители, но с согласия детей, насильственные браки встречались редко. Автор пишет, что в одних местах (на Илеме) преобладал калым, а в других (на Ангаре) — приданое. Было бы очень любопытно проследить причину этого явления. В качестве протеста против требования калыма иногда практиковался брак убогом. Свадебная обрядность была близка к северовеликорусской, хотя в ней проявлялись элементы из свадебных обрядов южновеликорусов, украинцев и белорусов.

Переходя к современной семье, Л. М. Сабурова отмечает факт перемещения населения внутри Приангарья, а также некоторый прилив пришлого населения, что привело к расширению территориальных, национальных и социальных рамок брачного круга. Много места отведено дальнейшему численному (в смысле уменьшения) и структурному изменению состава семей, что автор попытался отразить в ряде таблиц. Таблицы эти свидетельствуют о том, что средний состав семьи сократился с 6,5 чел. (1926 г.) до 3,5 чел. (1956 г.) и что наибольшая численность семей понизилась до 9 человек. Автор в таблицах приводит графы, касающиеся количества поколений; однако это нам представляется излишним, так как количество поколений в данной ситуации не показательное, оно вряд ли играет какую-либо роль при характеристике семьи (см. оговорку самого автора на стр. 198). В самом деле, если семья в четыре поколения состоит из 4 человек (см. табл. 7), или даже из 5—6 человек, то, на наш взгляд, она не может отражать характерную структуру семьи, а скорее показывает исключения, случайные варианты. То же можно сказать и о табл. 8—9; автор пишет, что в глубинных районах (где, по-видимому, должны были лучше сохраниться неразделенные семьи, табл. 8) больше всего проживает семей из трех поколений, но большинство их насчитывает от 3 до 6 человек. Поэтому и здесь число поколений вряд ли может говорить о какой-либо закономерности. В целом же закономерность заключается именно в том, что неразделенная семья окончательно сменилась малой.

Заключительный раздел главы посвящен родственным связям и семейным праздникам. Родственные связи сохраняются и с теми членами семьи, которые живут и работают в другом месте.

С большим мастерством написана и последняя глава «Общественный быт». Для старого времени Л. М. Сабурова показала общинное самоуправление, связанное с хозяйственными нуждами деревни, а также с выполнением (в порядке очередности разверстки) различных государственных повинностей, сбором налогов и т. п. Здесь много интересных подробностей и специфических черт, например, в организации мужевой повинности, ямщицкого дела. Здесь же охарактеризован и общественный характер различных занятий, помочи. Описана организация сельских праздников, в первую очередь престольных, масленицы, организация досуга молодежи (посиделки, маскарады). Автор отметил и такие важные моменты, как большое влияние на формирование сознания крестьянства наличия в крае политических ссыльных и, с другой стороны, незначительное влияние на население официального православия.

Для начала 1920-х годов даны интересные материалы по гражданской войне, партизанскому движению в крае, роли партии, комсомола и сельских сходов и организации первых Советов, развертыванию культурно-просветительной работы, школьной сети, вовлечению в общественную жизнь женщин.

В заключение широко показана общественная жизнь современной колхозной деревни Приангарья и, в частности, детально освещен вопрос о формировании и развитии духовного и культурного облика колхозника.

Л. М. Сабурова написала очень ценную и нужную книгу. Она умело показала, как сравнительно небольшая группа старожильческого русского населения, некогда заброшенная судьбой в один из отдаленных «медвежьих» углов нашей необъятной Родины, сумела не только выжить, но и приспособиться к местным тяжелым природным условиям и создать свою самостоятельную культуру. Однако лишь Октябрьская революция вывела жителей Приангарья из векового застоя и приобщила их к общей культуре, создала невиданные ранее условия для материального благосостояния и духовного развития. Книга, несомненно, будет интересна и тем специалистам, которые занимаются стариной, в ней они найдут много этнографических подробностей, различных старинных обычаев, и тем, кто занимается современной культурой и бытом — этнографам, социологам; книга поможет лучше понять ряд общих закономерностей в изменении материальной культуры, семейного и общественного быта. Не обойдет ее своим вниманием и широкий советский читатель.

Н. А. Кисляков

Фольклор на родине Д. Н. Мамина-Сибиряка (в уральском горнозаводском поселке Висим). Составитель, автор статьи и примечаний В. П. Кругляшова. Свердловск, 1967, 303 стр., (Ученые записки Уральского гос. университета им. А. М. Горького, № 60, Серия филологическая, вып. 5).

Уральский государственный университет систематически проводит под руководством доцента В. П. Кругляшовой студенческие фольклорные экспедиции в разные районы Свердловской области. Из материалов, собранных в 1960—1964 гг. в Висиме, я составлен настоящей сборник. От ранее изданного сборника «Предания реки Чусовой» (Свердловск, 1961) он отличается не только значительно большим объемом, но и разнообразием представленных в нем устно-поэтических жанров. Книга состоит из